

18+ ДРЕЙ ПЕСТРЯКОВ

*Души предков живут в нашей памяти,
души потомков живут
в наших мечтах...*

ОТРАЖЕНИЕ ОГНЯ

Андрей Пестряков
ОТРАЖЕНИЕ ОГНЯ

«Издательские решения»

Пестряков А.

ОТРАЖЕНИЕ ОГНЯ / А. Пестряков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514828-5

Это история моего деда, Пестрякова Ивана Михайловича, прошедшего Великую Отечественную войну, храбро сражавшегося и защищавшего Родину, награжденного медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», Орденом Красной Звезды. Составленная на основе имеющихся архивных документов история показывает каким нелегким и опасным был его путь и каков подвиг тех, кто защищал своё и будущее поколения от нависшей мировой угрозы.

ISBN 978-5-00-514828-5

© Пестряков А.
© Издательские решения

Содержание

Пояснение от автора	6
ПРОЛОГ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НАЧАЛО ПУТИ	8
1. ПРИЗЫВНИК	8
2. ОТПРАВКА	12
ХРОНИКА [1]	16
3. ПРИСЯГА	18
ХРОНИКА [2]	20
4. ЛУНА	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

ОТРАЖЕНИЕ ОГНЯ

Андрей Пестряков

*Души предков живут в нашей памяти, души потомков живут
в наших мечтах.*

Стас Янковский

© Андрей Пестряков, 2020

ISBN 978-5-0051-4828-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пояснение от автора

Прежде всего хочу дать небольшое пояснение. Это не совсем художественная и не совсем документальная книга. Потому что в ней в равной степени присутствует и то, и другое. Все части, озаглавленные «Хрониками», строились исключительно на архивных материалах и всё сказанное там может быть мною подтверждено соответствующими бумагами. Ко многим фактам, изложенным в них, я делал ссылки, поясняя откуда они взяты. Эти части можно с полным правом называть документальными.

Прочие главы, имеющие художественные названия, таковые по своей сути и есть, потому что являются плодом воображения и придуманы мной под впечатлением над работой с архивными материалами. Эти главы созданы и включены в книгу только с одной целью – попытаться «очеловечить» сухую статистику, канцелярские формулировки приказов и скупые записи военных журналов, не перевирая и не коверкая фактов. Но главы эти, в большей своей части, опираются на документальные свидетельства тех лет.

Мне хотелось изучить и взглянуть на судьбу своего предка с разных сторон – и с точки зрения документалистики, и с точки зрения художественного видения. Тема эта меня волновала давно – еще со школы. Идея написать книгу родилась не в один день, все факты и материалы долго «варились» в голове, прежде чем начать изливаться на бумагу. С самого начала я был твердо уверен в том, что надо сохранить ту память и те события не только в голове, но и в бумаге – для себя, для свои детей.

И последнее, что хотелось бы сказать, большие, наверное, в своё оправдание. Я не историк. Да, я старался подходить к делу внимательно, не упуская какие-то детали или моменты, но не могу быть на сто процентов уверенным, что не допустил ни одной ошибки. Наверняка они есть. Но не делать этого дела совсем, убоившись ошибок или промахов – глупо. Поэтому книга написана.

А что из этого получилось решать вам.

ПРОЛОГ

На столе лежит красная сумка. Старая, потрепанная, с давно вышедшей из моды застежкой. Таких сумок уже давно не делают, да и, наверное, мало у кого ещё остались такие раритеты, может быть только в самых дальних ящиках шкафов, да на чердаках, среди прочего хлама. Что и говорить, старина. От неё и пахнет как-то по-особому, пыльным прошлым, которое, наверно, и осталось, что внутри этого хранилища.

В сумке – документы. Вся память о моём дедке уместена в эти бумаги.

Открываю, аккуратно извлекаю содержимое: корочки, документы, конверты, удостоверения – всё, что там есть. Вещи эти бережливо упакованы в пакетики, заботливо завернуты в газету.

Беру наугад одну корочку. Быстро пробегаю взглядом по строчкам: «. *За участие в Великой Отечественной войне... Указом Президиума Верховного совета СССР... награжден медалью... 28 сентября 1945 года...*»

Беру другую. Она свернута в двое, серая, ветхая. Вверху рисунок – две медали, на одной Ленин, на другой – звезда с серпом и молотом внутри, и лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Ниже выцветшими чернилами выведено: . И дата: . «*Гвардии старшина Пестряков Иван Михайлович Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского союза товарища СТАЛИНА от 23.4.45 г. за прорыв обороны немцев на р. Нейсе, от 8.5.45 г. За взятие г. Дрезден всему личному составу нашего соединения в том числе и Вам, принимавшему участие в бою, ОБ'ЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ*» «15 мая 1945 г.»

...И ночь без сна. Изучая приказы, журналы боевых действий, найдя в интернете карты тех местностей, по крупницам восстанавливая былое, про сон забылось как-то само по себе. Разом засосало в прошлое. Скупые сухие слова официальных документов рисовали в голове ту эпоху, в которой жил дед, и не отпустили, пока не провели по всему пути, от начала и до конца. В носу свербело от запаха пороха, в ушах гудело от взрывов снарядов и свиста пуль. Бои на «огненной земле» смешались со сражением за Хальтау. Тихие стоны живых и оглушающее молчание мертвых. Безграничное отчаяние и хмельная радость победы. Дорога тяжела, трудна, и опасна.

Но даже самый длинный путь начинается с первого шага.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НАЧАЛО ПУТИ

1. ПРИЗЫВНИК

Октябрь 1942 года

Первый снег выпало рано. Крупный мокрый, он лениво кружил, залепляя глаза, тонким мягким пластом ложился на крыши, лошадиные спины, шапки. И все прохожие, шедшие каждый по своим делам, были белые как привидения. Спешила природа укрыть снежным покрывалом тут грязь, что разлилась, казалось, по всей земле, остудить нагретые огнем и колесами военной техники дороги и тропы. Но снег быстро таял, еще больше расквашивая землю.

Одноэтажное зеленое здание военного комиссариата Курчумского района, накрытое косынкой белого как вата снега, запряталось среди прочих домов и торговых лавок так споровисто, что заприметить его можно было только с превеликим трудом. Весь день ходи – не найдешь. Так ведь и день выдался, как назло, холодный, влажный, отдохнуть не даст, ногами шибче успевай работать, чуть приостановился – уже морозец начинает под штанину лезть, пощипывает, мерзавец, кожу. И дальше беги, чтоб хоть немного отогреться. Оделся же ведь еще, как назло, легко.

Припозднился. Заплутал паренёк чуток на вокзале, да рынке задержался – на людей посмотреть, да поглазеть какой товар нынче продают. Теперь, боясь опоздать, бежал, выискивая нужное здание.

Наконец, нашел. Вот, оно самое. Сильно осевшая изба, словно и не живет уже здесь никто совсем. И только из трубы ветер рвал клочья белого дыма и уносил далеко в небо. Табличка на двери. «Курчумский военный комиссар АТ Восточно-Казахстанской области». Сюда, значит.

Иван в полголоса прочитал выцветшую надпись, вытягивая по-лебединому шею и чмокая губами после каждого слова. Не сразу зашел в дом, постоял немного на пороге, вслушиваясь как внутри дома гудят чьи-то голоса словно пчелы в улье. По всему слышно было, что важные дела тут свершаются, и все тут пропахло серьезной работой, и той хмурой неподъемной обстоятельностью, какая бывает на лбу каждого высокого чиновника. И даже верхний косяк двери навис над дверью так же, как нависают брови у владык государственных, что, прости господи, пройти страшно становится, не преклонив головы перед этим косяком.

Возле входа курили два солдата, местные, о чем-то лениво переговариваясь. Чуть в стороне толпились парнишки из деревенских, у каждого на плече вещь-мешок – сразу понятно, эти уже оформились и их забирают на фронт. Парни громко смеялись, смолили самосад, шумно плевались, месили ногами снег до каши, покуда не начинало чавкать и квакать под сапогами, иногда хлопали друг друга по плечам. «Медаль тебе, братец, дадут!», – все не унимался один, самый высокий, с круглым как тыква веснушчатым лицом, пристав к какому-то понурому парнишке. «Главное, чтоб не подстрелили!», – вторил другой. И все начинали нервно гоготать, тыча локтями в бока бедолаги. Парнишка вспыхивал, выпрямлял плечи, начал водить глазами как угорелый, словно не понимая, где он и зачем он здесь, потом быстро успокаивался, вновь затихал, погружаясь в какую-то свою лошадиную дремоту.

Иван постоял чуток у входа, глядя на веселых парней.

«Вот ведь и я скоро так же стоять буду, в ожидании, когда машина придет, чтобы на фронт увезти», – подумал он. Казалось ему, что с военкомата прямо на фронт и забирают, какой ты есть и в чем пришел. А разве нет?

Насчёт формы старики из деревни говорили, что дают её прямо там, в окопах – прапор привозит. А уж как по размеру ляжет, это только удача каким боком повернется – если сред-

них ты размеров, не низок и не высок, то тогда, считай, повезло. А вот высоким да толстым меньше удачи в этом деле. На высоких ведь сколько материалу надо чтобы пошить кафтан? Никакой экономии. Тут у всех стандарт, одевай – и иди, а то, что ты не по росту формы выродился – так уж только твоя проблема. Вот, допустим, используют на такую каланчу лишних пол-аршина ткани, а кому-то ведь и вовсе значит не достанется. Вот ведь наука какая получается. Всё по стандарту.

Иван как раз был не низок и не высок, про каких говорят воробушек. Значит будет форма на плечо. А оружие... про него разное толковали. Скупые вести с фронта доносили не самое хорошее. Нехватка ружий, патронов, боеприпасов. Разное говорили. Но то слухи.

«Сам все увижу», – подумал Ваня и снял шапку перед дверьми. Голова, после долгого блуждания и поисков, взмокла, и сразу начало студить затылок. Сыпнуло снегом за шиворот.

«Это ничего, это даже хорошо, немного охладиться с дороги в самый раз», – подумал про себя Иван, открывая дверь и преклоняя голову перед хмурым косяком как перед важным чиновником.

Внутри пахло пылью и затхлостью. Деревянные полы, старые и затертые, скрипели на все лады, одни доски пели жалобно, как несмазанные колеса телеги, другие – с лихим свирельным пересвистом.

В военкомате творилась суматоха. Мимо словно зеленые мухи пролетели две женщины, с толстыми папками в руках, не обращая на вошедшего никакого внимания. Ваня сразу ступешался. Запоздало шепнул им в след «здратье», но они уже свернули в коридор и, топая ногами, ушли. Следом пробежал еще один человек, худой, сутулый парнишка, в военной форме, от которого по всему коридору остался крепкий водочный дух. Вдалеке захлопали двери, кто-то два раза громко позвал какую-то Нину Павлову, из другого конца коридора ответили, что она вышла и будет только через пол часа.

«Куда же идти?», – совсем растерялся Ваня, переминаясь с ноги на ногу и заглядывая в темные коридоры.

– Вам чего, молодой человек? – дребезжащим голосом спросила подошедшая от куда-то с не приметного уголка женщина.

– Я... мне бы... вот, – протянул Иван лист.

– Призывная повестка? – спросила женщина, взяла бумажку и, поднося почти к самому носу, начала слепо читать. – Так... понятно. Идемте за мной. Оформим документы.

– Я на фронт попаду? – зачем-то спросил Иван, словно бы от этой самой женщины всё и зависело, и она лично распределяла новобранцев. В шутку добавил: – Мне на фронт надо, отсиживаться я в тылу не хочу и не буду!

Женщина никак не отреагировала на эту фразу. Завела в тесный кабинет, села за стол, начала заполнять бланк.

– Фамилия-имя-отчество? – привычно отчеканила она, поскрипывая пером.

– Пестряков Иван Михайлович.

– Дата и место рождения?

– 20 августа 1922 года, село Буденовка, Курчумский район, Восточно-Казахстанская область, Казахская ССР.

– 20 августа? – вдруг подняла на Ивана взор женщина. Глаза её словно присыпанные пеплом, уставшие, смотрели сквозь парня, будто она что-то вспоминала. – У меня сын тоже в этот день родился, – Вздохнула: – В октябре прошлого года забрали его на фронт. Вестей всё нет, как два месяца назад последний раз была от него весточка, так больше и нету.

И словно опомнившись, будто сказала чего-то лишнего, вновь натянула на лицо серую маску хмурости и продолжила записывать данные на бумажку, бросая дежурные вопросы.

– Партийный?

– Нет.

Женщина бросила поверх очков быстрый колючий взгляд на парня, продолжила опрос.

– Кем работаете?

– Столяр я.

– Образование есть.

– Есть, конечно. Кончил четыре класса.

– В комсомоле состоите?

– Нет.

Женщина устало вздохнула.

– Плохо, Иван Михайлович. Надо бы записаться, сами понимаете. Фамилия-имя-отчество отца и матери.

– Отец Пестряков Михаил Михайлович, мать Пестрякова Степанида Маркеловна.

– Карточка ваша здесь храниться?

– Я не знаю, – пожал плечами парень.

– Ладно, посмотрю сейчас.

Женщина привстала, держась за спину, начала перебирать в ящике документы, одним пальцем пролистывая дела.

Сердце у Вани колотилось так, что казалось выпрыгнет из груди. Волновался. Терял в руках шапку, не зная куда ее деть – и на голову вернуть в помещении не прилично получится, и положить куда-нибудь тоже нельзя – все-таки казенное заведение, и стулья казенные, не для того деланы чтобы на них шапки всякие складывали. Обдало волной холодной. Только сейчас, в этот самый момент, стоя в тесном кабинете, вдруг остро почувствовалось что идет война. Не в шутку, самая настоящая. Идущая со смертью бок о бок. И каждого уже успела проклятая коснуться, и даже вот эту женщину, что сидела сейчас напротив него и чей сын ушел на фронте и потерялся. Это ощущение пришло внезапно и сразу, как пыльным мешком по голове охлобучили, и стало до того страшно, что затряслись колени. Даже в этом здании ощущение идущей войны летало повсюду, словно напитав собой воздух. Всё тут пахло тревожной неизвестностью и трауром. И как он сразу не обратил на это внимание?

– На фронт... – вновь начал Иван.

Женщина раздраженно его перебила:

– На фронт, на фронт. Иди уже.

– Да куда идти-то? – спросил парень, разведя в стороны руками.

– На медкомиссию. Там пройдешь, тебе заключение напишут и скажут куда дальше, – женщина вновь посмотрела на стоящего перед ней. Долго ничего не говорила, все смотрела, словно пытаясь узнать в его чертах лица что-то знакомое. Тихо сказала:

– Береги там себя, солдатик.

Иван кивнул головой и вышел, тихо закрыв за собой дверь.

По пути надобно было еще зайти в райком комсомола, поставить какую-то печать в документы. Женщина, оформлявшая бумаги Ивана, как смогла объяснила куда идти, но поблуждать все же пришлось. Наконец, нашел нужное здание и нужную дверь. Постучал, не дожидаясь ответа, зашел.

– Вы к кому? – спросил сидящий за письменным столом худосочный парнишка. Вида он был строгого, и глазами, окаймленными синяками бессонной ночи, смотрел не мигая, но был молод, почти юн, с класса седьмого посажен сюда. Повторил: – Вы к кому, товарищ?

– Мне бы печать поставить. В военкомате сказали, – вдруг растерялся Иван, глядя на строгого не по годам парнишку.

– Какую еще печать?

– Не знаю. Круглую, наверное.

Парень пристально, чуть прищурив глаза, посмотрел на гостя.

– Шуточки шутите? – вдруг привстав со стула прошипел он.

– Нет, – окончательно растерявшись, ответил Ваня. – Просто я правда не знаю какую печать. Мне сказали сюда прийти. Вот я и пришел. Вам виднее, наверное, какую печать надо.

– А ну пошел от сюда!

Такого ответа Ваня не ожидал. Оторопело посмотрел на сопляка, корчившего из себя большого начальника, на его опрятную, не в пример его грязной робе, одежду. Выглаженная защитная гимнастёрка, ремень кожаный, штаны еще совсем новенькие, ботинки хромовые, блестящие. Потом перевел взгляд на бутерброд – белый хлеб с ломтиками копченного мяса, – что лежал на блюдечке на столе. На кусок белого сахара. На два медовых пряника. На крепкий чай в стакане с ложечкой. Живот, в котором вторые сутки ничего кроме воды да пары сухарей, не было отозвался жалобным стоном.

И вдруг взбурлило все внутри. Заклокотало. Словно спавшая доселе птица встрепенулась и начала бить крыльями.

Не помня себя, Иван подскочил к дерзкому парнишке, схватил того за грудки и вытащил из-за стола, едва не перевернув сам стол. Зарычал почти в самое лицо:

– Пристроился, сопляк, в тылу! Шуршишь для виду казенной бумагой да бутерброды с колбасой жуешь! Тебе задницу надо розгами от мутузить чтобы ты вежливости научился!

– Я... я... – начал заикаться тот, совсем побледнев и вытянувшись в лице.

– Дать бы тебе по роже, да вони будет!

– Я же... по приказу... по приказу я...

Иван не стал его слушать. Отпустил от греха подальше да вышел из кабинета, вытирая об рукава ладони, словно они испачкались в чем-то грязном.

Печать получил в соседнем кабинете, где сидел более сговорчивый старичок.

2. ОТПРАВКА

Поезд отходил со второго перрона. Новобранцев погнали через весь вокзал, потом развернули обратно, сказали идти в обход, чтоб не мешались – прибывал другой поезд с пассажирами и грузом и его надо было срочно разгрузить. Всё сразу смешалось и все начали ходить кто куда, особо уже не слушая начальников с военкомата, превращая всё в разброд.

– С Курчумского кто? Спрашиваю, с Курчумского кто есть? – кричал крепкий мужичок в военной форме, семена по вокзалу и размахивая перед собой как шашкой списком. – Сюда все собрались, в одну шеренгу! Ну, давай, кони не расторопные! Живо! Шевелись, говорю, мать-перемать! Ты с Курчумского? А чего тут ходишь? Иди давай отсюда! Твои дальше стоят!

Наконец, с горем пополам, собрали всех в кучу. Под угрозой строго взыскания приказали ждать, никуда не ходить пока не придет нужный поезд. Так все и стояли, прыгая с ноги на ногу от дикого холода. Грелись как могли. Кто-то пел песни, приплясывая на месте. Кто-то компанией втихаря кирил припрятанную с дома самогонку. Предложили Ване, он отхлебнул, больше из уважения, и передал бутылку дальше. Стало чуть теплее.

– Сейчас куда мы? – услышал Иван одного из тех, с кем собирался ехать. Смуглый казах говорил с сильным акцентом и понять его было весьма сложно.

– В казарму, – отвечал второй, не знакомый парень, с мясистым красным носом на поллица. – Заниматься строевой и политической подготовкой, изучать материальную часть.

– А я думал, сразу на фронт, – сказал Ваня, поворачиваясь к парням.

– Сразу на передовую не отправляют, – со знанием дела ответил носатый. – Сначала научить должны винтовку держать. А то в первый же день тебя, неумёху, вражья пуля скосит. Или, чего доброго, сам кого-нибудь подстрелишь из своих!

Парни загоготали.

– Слышь, угости махорочкой? – вклинился в разговор еще один парнишка с обветренным лицом.

– Да мало у самого!

– Митька, не жмись! Сыпь!

– Ладно, только чур вместе курим!

– Да ты отсыпал-то с ноготь, какой вдвоем, тут и одному на пару тяг едва хватит!

– Нормально, двоим в самый раз.

– Говорят, наши немца подбили, – сворачивая самокрутку, сказал подошедший. – Те хотели ладожскую коммуникацию раскурочить, по которой снабжение в Ленинград идет. А не вышло. Хвоста немцу накрутили!

– Еще не раз накрутим! До самого Берлина бежать, не оглядываясь, будут!

– Это ты сейчас такой смелый, – затыгиваясь, сказал новобранец. – А вот когда по-настоящему в бой попадешь, так по-другому петь будешь.

– А ты прям такой смелый, откуда знаешь как там в бою? Самого вчера с мамкиной избы пригнали сюда. А ну отдай папиросу! Отдай говорю!

– Пестряков! Где Пестряков!

Иван обернулся. По перрону, толкаясь среди призывников, ходил грузный лейтенант, вроде как из комиссариата – издали не рассмотреть, – вертя круглой большой головой и щурясь вдаль.

– Пестряков Иван где?! Отзовись!

Парень хотел уже было ответить, но его остановил кто-то из новобранцев. Иван обернулся.

– Тоқта. Неспроста ищет тебя, – пояснил казах, с которым он стоял. ¹

– Ищет – значит нужен, – ответил Ваня и вдруг почувствовал, как глупо и наивно прозвучал его ответ. И в самом деле неспроста ведь ищет, не медаль же вручить в самом деле. Стало не по себе.

– Пестряков! Ну отзовись! – рычал тот. – Где сопровождающий?

– Постой тут, только не высовывайся, я попробую узнать, что там случилось, – сказал собеседник и юркнул в толпу.

Украдкой поглядывая на рыскающего среди толпы лейтенанта, Иван поднял выше воротник куртки, стараясь попадаться на глаза как можно меньшему количеству людей. Новобранцам до него дела было никакого, они шумно разговаривали, порой заглушая самого лейтенанта. Сопровождающий, на счастье Ивана, ушел к начальнику станции проставить какие-то печати, иначе сдал бы давным-давно.

Наконец вернулся казах.

– Ну? – не вытерпел Иван.

– Дел ты натворил там, в комсомоле этом! – запыхавшись ответил тот и утирая взмокший лоб. Одет парень был весьма тепло, в бараний тулуп и меховую шапку и явно не испытывал проблем с холодом, наоборот – маялся от жары.

– Чего?

– Кому-то на мозоль наступил что ли?

– Да какая мозоль, – отмахнулся Иван, поняв о ком идет речь. – Одного сопляка просто за шкуру немного потряс. Сидит там, морда канцелярская, за спины прячется.

– Понятно, – улыбнулся собеседник. – Но ты не переживай, я этого лейтенанта в другую сторону отправил, сказал, что рота твоя там стоит. Вроде поверил, ушёл проверять. Пока поймут, что да как, мы уже уедем.

– Спасибо тебе большое! – Иван пожал руку новому знакомому. – Меня Иваном зовут.

– Кайрат, – представился тот.

– Ты откуда будешь?

– Аул Кайнар, знаешь такой?

– Конечно знаю! Это же не далеко от Курчума. Я сам из тех мест.

– Точно.

– Ну, будем знакомы, Кайрат из Кайнара! – улыбнулся Иван и вновь протянул руку.

– Готов-сь! – дал команду мужичок со списком.

Все нехотя встали в кривую шеренгу.

– Сейчас посадку будут объявлять, – шепнул кто-то из толпы.

Вдали послышался гудок.

– Наш? Наш! – прошелся ропот среди толпы.

Поезд шел к перрону, выдыхая клубы дыма, пыхтя как исполинский динозавр, обдавая всех жаром. Хлынула первая обычная по приходе паровоза волна суматохи, все разом загалдели, зашевелились, начали давиться, толкаться, пытаясь протиснуться к перрону, угадать посадку ближе к центру, где больше тепла скапливается.

– Во машина! Паровоз!

– Сколько металлу в нем!

– Сактан! Пойыз ағызып келеді! ²

– Абайлаңыз! ³

¹ Подожди (каз.)

² Берегись! Поезд мчится! (каз.)

³ Осторожно! (каз.)

На это чудо инженерной мысли смотреть было одновременно и страшно, и интересно. Что и говорить, действительно самое настоящее чудо! Махина! В этот момент, глядя на железного исполина, даже не хотелось знать, как оно все там внутри устроено и работает, так как чудеса всегда тускнеют от объяснения. Обтянутый стальной кожей зверь, настоящий Змей Горыныч из сказки! Ваня раньше видел пару раз поезда, но всё никак не мог привыкнуть к этому ощущению торжества человеческих возможностей. Сколько же в ней силы! Целый табун лошадей, наверное, заменит.

– Санька, давай, на дорожку песенку! – крикнул кто-то пьяно.

Из толпы выкатилась тележка, на которой сидел безногий инвалид – гармонист.

– Пропусти человека, папаша, не видишь, что ли?! Сашок, давай! Нашу, солдатскую.

Гармонист ловко стянул с плеча инструмент, пробежался пальцами по клавишам, но петь не стал, театрально заперхав. С ходу поняв намек, музыканту протянули бутылку с самогонном. Тот привычно жадно отхлебнул несколько крупных глотков, засмолил сигаретку. Сиплым голосом, перевирая куплеты, затянул:

Пел скверно. Не попадая в ноты, промахиваясь мимо клавиш. Но на большее никто и не претендовал. Все были заняты другими делами. Местные ребята прощались с провожатыми – родственниками, друзьями, женами, подругами – обнимались, смеялись, плакали, молчали. Деревенские, у кого не было провожающих, кто сам приехал сюда один, стояли особняком, смоля папиросы, пуская бутылку по кругу, щелкая семечки. Родители Ивана остались в Буденовке – ехать провожать его в Курчум денег не было. Простились дома. Мать всплакнула было, но ее тут же успокоил отец, строго объяснив, чтобы та прекратила, а то дорогу замочит. Иван пожал крепкую сухую руку отца, обнял мать и ушёл, через поле сохлой убранный ржицы, через чёрный лес, напрямиком на дорогу, чтобы на попутных грузовиках добраться до военкомата.

– Хорош балаган тут устраивать! – начал протискиваться в самую гущу толпы мужичок из военкомата. – Сейчас посадка будет.

Поезд дал длинный гудок, остановился. Заскрипели амбарные двери вагонов.

– Без команды не заходить! По списку! По списку я сказал!

С горем пополам начали посадку.

– Ну-ка, давай подмогни с сумкой!

– Да чего тяжелая такая?! Ты туда дровец небось взял, или бутового камня?

– Камня-камня, немцу гостинцев везу! На могилку, вместо памятника!

И звонкий смех раскатился по перрону. Безногий инвалид заиграл другую песню, потом, сбившись на втором куплете, перескочил на матерные частушки. Дали гудок, строгий мужичок с военкомата объявил отъезд.

Быстро сменилась погода, подул свежий ветерок, принося едва терпкий дымный запах осенних листьев, выглянуло из-за туч солнце, не привычно тёплое для октября, и стало даже жаль уезжать отсюда. Сидя на наспех сбитых деревянных лавочках в тесном, битком забитом вагоне, все вдруг замолчали, глядя как за окном солнечные зайчики играют в растаявшей луже снега у перрона. Иван тоже смотрел и не мог оторвать взгляд. Вроде чего там, эка невидаль – зайчики. А глядел замороженно, будто видел в первый раз. Было в них что-то детское, наивное, доброе, от которого теперь увозил поезд. Увозил, казалось, навсегда.

Почему-то вспомнился дом. Как пахло в нем крепким неистребимым запахом выделанной кожи, вара и дёгтя. Как по утрам было в нем светло от проникающего через большие окна утреннего света. Уголок вспомнился, справа от печки, за перегородкой, где любил сидеть отец, подшивая валенки или делая другую мужицкую работу, не спеша, аккуратно. Встанет, еще до рассвета, выпьет из ковша воды и садится за свое рабочее место. Приготовит шило, нож, кожу, разложит перед собой всё это на табуретке, начнет накладывать ровные стежки, все как на подбор одинаковые, пришивая накладку к пятке пима или ремонтируя уздечки, сбруи,

седелки. Или заколачивает в хомут медные гвоздочки, аккуратно, точно, и только сквозь белую пелену утреннего детского сна слышно, как стучит молоточек – тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук... А теперь также колёса поезда начинают постукивать, с каждым промчавшимся метром всё громче, в конец и вовсе срываясь на автоматные выстрелы.

Не заметил, как задремал. И то ли снилось ему, то ли и вправду кто-то из новобранцев говорил рядом, рассказывая другому, как впервые узнал о том, что началась война:

– Воскресенье было. Пошли в лес лыко драть, на лапти. Надрали, кому сколько надо. А тут лесник знакомый выскочил на коне. Мы думали он нас за лыко это по первое число всыплет, а он белый весь, глаза навылуп. «Чего, – говорит. – Раскричались? Война началась!». – «Какая война? С кем?» – «С германцем». И ускакал. А мы стоим и не знаем, что сказать и что делать. Потом бросили лыко, домой все побежали. А дома уже в курсе все – по радио объявили. И бегают сельчане как угорелые, и никто не знает, чего делать. И только самый старик наш, Федот Иваныч, спокойный сидит как удав на лавке у дома, на остальных смотрит. Ему, старому, что терять, он свое пожил, вот и не суетится. Остальных сельчан злость берёт, вроде как издевается он над ними одним своим видом спокойным, что вот мол он такой и всё ему ни по чем. Ясно дело – кто старика на войну отправит? Едва по хребтине не надавали. А он знай себе улыбается. Так и просидел до самого вечера, смотрел на всех так внимательно, будто запоминая. А в понедельник подпоясался да с первыми петухами и ушёл в военкомат, записываться добровольцем на войну.

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,

Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой.
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.⁴

⁴ Песня «Жди меня», слова Константина Симонова, музыка Матвея Блантера

ХРОНИКА [1]

Согласно военного билета НТ №2899277, выданного 29 мая 1964 года Усть-Каменогорским городским военным комиссариатом Восточно-Казахстанской области (за подписью военного комиссара полковника Блохина) призывной комиссией при Курчумском районном военном комиссариате Восточно-Казахстанской области Пестряков Иван Михайлович признан годным к строевой службе, призван на действительную службу и направлен в часть 8 октября 1942 года.

Однако, если верить красноармейской книжке (выдана 06.12.1944 года) в подпункте 5 графы 1 «Общие сведения» год призыва указан 1941 сентябрь. Есть даже специальная пометка: «указать также – нормальный или досрочный призыв», но по данному пункту информация не заполнена.

Два документа, две разные даты. В первом случае год призыва указан 1942, во втором – 1941. Так какой же из них верный?

1942 год призыва подтверждает наградной лист (от 14 мая 1945 года, за подписью командира 3 т. б-на, Героя Советского союза, Гв. майора Теренчук) [касательно награждения Орденом «Красная звезда»], где в пункте 9: «С какого призыва в Красной Армии» стоит дата «1942.11», то есть ноябрь 1942 года.

Также, согласно Приказа №04/Н «333 гвардейскому стрелковому полку 117 гвардейской стрелковой дивизии Северо-Кавказского фронта» от 12 ноября 1943 года (с пометкой «Секретно», 14530) за подписью командира 336 гвардейского стрелкового полка, 117 гв. сд. гвардии полковника Ткачева [приказ о награждении медалью «ЗА ОТВАГУ», «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ»] в пункте 2 (стр.8) указано: «...призван в Красную Армию Курчумским РВК Восточно-Казахстанской обл. 22.12.1942 года».

Про 1941 год, кроме как красноармейской книжки, упоминания больше нигде нет.

Основные два документа, которые входят в спор между собой – это красноармейская книжка и военный билет.

Красноармейская книжка является служебным удостоверением личности советских военнослужащих рядового и младшего составов Красной Армии. Очень важный документ, о чем говорит даже самое первое, что можно прочитать на ней, надпись: «Красноармейскую книжку иметь всегда при себе. Не имеющих книжек – задерживать». Введена данная форма в действие приказом Народного комиссара обороны Союза ССР (НКО СССР) №171 от 20 апреля 1940 года, однако введение в действие данного приказа затянулось, и до начала Великой Отечественной войны этот образец красноармейской книжки так и не успел поступить в Красную Армию, а 7 октября 1941 года приказом НКО СССР №330 для военного времени был введён новый образец красноармейской книжки с фотографией владельца. В имеющейся книжке Пестрякова И. М. (на титуле книжки и по всему тексту неверно написана фамилия: «Пистряков» вместо «Пестряков») фотография не вклеена, на месте для фотокарточки поставлена печать «Отдельный учебный танковый полк».

В 1961 году функция удостоверения личности была возложена на военный билет военнослужащего. Не понятно тогда почему при оформлении в 1964 году военного билета Пестрякова И. М. был изменен год призыва? Есть вероятность, что дата призыва в красноармейской книжке указана не верно, а настоящей датой призыва является, всё-таки, 1942 год, что косвенно подтверждают документы 1945 года (наградной лист, Приказ №04/Н).

Также разнятся и месяцы призыва (октябрь, ноябрь, декабрь). Вероятнее всего это связано с неверным пониманием понятий призыва и принятия военной присяги при заполнении соответствующей графы.

Призыв граждан на действительную военную службу проводился ежегодно повсеместно два раза в год (в мае – июне и в ноябре – декабре) по приказу Министра обороны СССР. В войска, расположенные в отдалённых и некоторых других местностях, согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 февраля 1977 г. («Ведомости Верховного Совета СССР», 1977, №9), призыв начинался на месяц раньше – в апреле и октябре. Учитывая, что село Буденовка Курчумского района Восточно-Казахстанской области находилось на достаточно большом удалении от центра, можно с полным правом предположить, что призыв Пестрякова И. М. в октябре был вполне возможен.

Присяга же дается уже после призыва, то есть несколько позже. Согласно военного билета (пункт 19, стр.8) военную присягу Пестряков И.М. принял 7 декабря 1942 года, что согласуется с остальными датами. С этого же времени начинается отсчет участия в боях и боевых походах (см. пункт 18, стр.7).

В данной книге дата призыва принята в соответствии с военным билетом, то есть 8 октября 1942 года, в дальнейшем будем придерживаться её.

Итак, октябрь 1942 года. Коротко об этом времени. Война идет полным ходом по всем фронтам. Донской фронт продолжает Сталинградскую стратегическую оборонительную операцию (17 июля – 18 ноября). Закавказский фронт продолжает Северо-кавказскую стратегическую оборонительную операцию (25 июля – 31 декабря), Нальчикско-Орджоникидзевскую операцию (25 октября – 12 ноября) и Туапсинскую операцию (25 сентября – 20 декабря). Ленинградский фронт и Волховский фронт завершили Синявинскую операцию (19 августа – 10 октября).

Пресса ежедневно передает о зверствах, учиняемых врагом. Газета «Правда» №288 (9059) от 15 октября 1942 года, заголовки статей: «Фашистские мерзавцы пытаются пленных», «Злодеяния немцев в Крыму», «Гитлеровцы сожгли раненого».

Оборонная промышленность и тылы работают на фронт не покладая рук, стараясь перевыполнить план, сделать как можно больше. Газета «Правда» №289 (9060) от 16 октября 1942 года, заголовки статей: «Суда построены за 20 дней до срока», «Эшелон сверхпланового угля», «Пищевая промышленность Московской области выполнила годовой план». Газета «Известия» №244 (7930) от 16 октября 1942 года, заголовки: «Режим экономики в условиях отечественной войны», «Собрать и сохранить весь урожай сахарной свеклы».

Тылы пытаются поддержать фронт как могут, всеми силами. Газета «Известия» №244 (7930) от 16 октября 1942 года информирует:

«Октябрьские подарки фронтовикам. Усть-Каменогорск. 16 октября. (ТАСС). С верховьев и низовьев Иртыша в областной центр ежедневно прибывают груженые продуктами баржы. Это колхозники шлют октябрьские подарки фронтовикам. Несколько вагонов с подарками отправляют в Действующую Армию колхозники Шемонаихинского, Верхубинского, Предгорного и других районов. Колхозницы пекут сдобное печенье, медовые пряники, жарят гусей, кур, коптят окорока. Девушки вышивают кисеты, вяжут теплые шарфы, носки, варежки».

Какие жертвы и голод стоит за этим в самих районах не упоминается.

Отдельной заметкой здесь же две фотографии убитых детей, лежащих на улице, возле здания с зарешеченными окнами. Подпись внизу: «Эти снимки найдены у убитого на одном из участков фронта гитлеровца обер-ефрейтора Теодора Ведера». Заголовок гласит: «Гитлеровцы зверски убивают советских детей, женщин, стариков. Воины Красной Армии! Беспощадно истребляйте гитлеровских разбойников!». И больше никакого текста. Только эти фотографии убитых детей.

3. ПРИСЯГА

Декабрь 1942 года

– Приказ вышел!

Солдат бежал с самого КПП, размахивая какой-то бумажкой. Шинель распахнута, ремень болтается.

– Левченко, чего орешь? Ну вышел, и что с того? Себя бы лучше в порядок привел.

– Да как де? Приказ вышел, присягу принимать будем!

– Это тебе не водка, чтобы радостно так трубить об этом. Подойди нормально, сообщи в культурной форме. А то ворвался как ошпаренный, орешь чего-то на всю Ивановскую!

Иван подошел к спорящим у курилки парням. У казармы, вытянутого здания, похожего на коровник, руководящего состава видно не было. Значит можно чутка постоять. Иван спросил:

– Какой приказ?

– Вань, а ты не в курсе? Верно, ты же в наряде был. Присягу принимать будем. Это обязательно надо, это как клятва. После присяги ты уже настоящим солдатом считаешься.

Иван обрадовался. Давно пора. Сколько можно сидеть, в самом деле, в части? А после присяги и карабин выдадут, и на стрельбище поведут. Потом фронт. Там сейчас шибко тяжело, и каждый солдат на счету, каждые руки – в помощь. Страшно? Страшно. А кому не страшно? Не бояться только сумасшедшие и мертвые. Но желание защитить Родину сильнее. От каждого сейчас зависит как дальше все обернется.

– А когда присяга будет? – с нетерпением спросил Иван.

– Вроде как послезавтра, – ответил солдат. – Я от старшого слышал.

«Это хорошо, – с каким-то ребячьим нетерпением отметил Иван, пряча замерзшие руки в карманы. А потом вдруг ни с того, ни с сего подумал: – Победим. Обязательно победим!».

В назначенный день с самого утра весь личный состав части выстроили пешим строем на плацу, у знамени. Морозило сильно. Пробирало до самых костей. Валенки так и не успели выдать – говорили, что задержка произошла из-за того, что немцы подорвали железную дорогу. Туго было не только с валенками. Форма тоже оказалась с чужого плеча, велика, в оттопыренный воротник сильно задувало. С едой совсем туго. В столовой кормили мутной водой с мелким зерном неизвестного вида, называемая это супом. Еще хлеба немного давали. А что солдату молодому с этой краюшки? Ему, растущему организму, витамин подавай. А где этот витамин посреди зимы в самый разгар войны взять? С этими мыслями, постукивая зубами, солдаты стояли в строю, ожидая своего момента. Наконец, подошла очередь и до Ивана.

Держа карабин в положении «к ноге», он, весь холодея внутри от волнения, промаршировал к трибуне, взял папку с текстом, начал громко читать.

Роты были выстроены ровными коробками на плацу. Замерли, закаменели людские ряды. Вытянулись по швам руки. Крепко сомкнулись пятки. Застыли суровые лица. Все внимали тому, что говорил он.

И едва загремели слова, разносимые далеко по округе, как отступило всё – и голод, и холод, и страх. С каждой фразой крепло внутри что-то такое, от чего становилось спокойно, из вязкого киселя затвердевая в камень. Грохочущий голос с разбегу бился о шеренгу бойцов, словно прибой плескал в скалу. Отражаясь от стен, рокочущим эхом возвращалось сказанное, катилось по плацу, и все слушали не столько слова, сколько их рокот. Не в словах чувствовалась сила, а в том, как они звучали.

– Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государствен-

ную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-крестьянскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Рабоче-крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злему умыслу я нарушу эту мою присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Вдалеке сгущались тучи – к вечеру намечался сильный снегопад.

ХРОНИКА [2]

Конституция Союза Советских Социалистических Республик, утверждённая Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года, говорит, что всеобщая воинская обязанность является законом, воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР представляет почетную обязанность граждан СССР (статья 132). Защита Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена Родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж – караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние (статья 133).

Как было сказано ранее, военную присягу Пестряков И. М. принял 7 декабря 1942 года. Дальнейший период службы с декабря 1942 года по сентябрь 1943 года остается туманным – слишком мало документов рассказывают об этом отрезке времени.

В военном билете читаем (пункт 15 «Прохождение действительной военной службы», стр.4): «Наименование воинской части: 4 воздушно-десантная бригада. Должность и воинское звание по штабу: стрелок. Дата зачисления в часть и № приказа: октяб.1942. Дата исключения из части и № приказа: октяб.1943». Ключевое здесь – это 4 воздушно-десантная бригада (4 ВДБр). 6 сентября 1942 года она была переименована в восьмую гвардейскую стрелковую бригаду (позже, в октябре 1943 года, ставшая 333-м гвардейским стрелковым полком 117 гвардейской стрелковой дивизии, в военном билете читаем подтверждение: пометка, что с октября 1943 года по декабрь 1944 года проходил службу: «333 стрелковый полк»).

В документе «Бои 8-й гвардейской стрелковой дивизии по овладению узлом обороны противника в Крюково (7—8 декабря 1941 г.)» (авторы: полковник Десятов Л. Л., подполковник Горун П. Н.) читаем: «8-я гвардейская (бывшая 316-я) стрелковая дивизия состояла из трех стрелковых и одного артиллерийского полков, минометного дивизиона, зенитного артиллерийского дивизиона, саперного батальона, батальона связи и разведроты. Сформированная в начале войны в Средней Азии, дивизия начала вести первые крупные бои с середины октября под Волоколамском. В этих и последующих оборонительных боях под Москвой части дивизии проявили большую стойкость и упорство».

К этому мы еще вернемся, а пока важно следующее. Ровно год, с октября 1942 года по октябрь 1943 года Пестряков И. М. в должности стрелка пребывал в 4ВДБр (она же 8 гвардейская стрелковая бригада).

Возвращаясь к Приказу №04/Н, читаем (пункт.2, стр.8): «санинструктора 1-го гвардейского стрелкового батальона гвардии старшего сержанта медицинской службы Пестрякова Ивана Михайловича...». Напомню, что приказ датируется 12 ноября 1943 года. Он открывает много важной информации. Выделим пока два момента.

Во-первых, в Приказе указана должность санинструктора, вместо стрелка, который был прописан в военном билете.

Во-вторых. Вместо 4 ВДБр и 85 гв. сп фигурирует уже 1-ый гвардейский стрелковый батальон.

Остановимся подробнее на этих пунктах и попытаемся разобраться.

Санинструктор (сокращенно от санитарный инструктор) – это лицо младшего медицинского состава, прошедшее специальную военно-медицинскую подготовку и ответственное за медицинское обеспечение роты или батареи. У меня есть сомнения, что Пестрякова Ивана, получившего воинскую должность стрелка (хоть и первичную, считай, самую низшую), перучивали в санинструктора. Но упоминание в Приказе должности «старшего сержанта медицинской службы» все же говорит в пользу того, что определенное обучение всё же было. В военное время санинструктор организовывал медицинское обеспечение своего подразделения, используя штатных солдат, так называемых боевых санитаров. Возможно (это моё предпо-

ложение), именно таким боевым санитаром, переведенным в октябре-ноябре 1943 года в медслужбу, Пестряков И. М. и был. По должностным обязанностям санинструктор совместно с санитарями должен обеспечить розыск, вынос и вывоз пострадавших с поля боя и принимать меры к их эвакуации, что хорошо согласуется с текстом Приказа («вынес с поля боя 12 тяжелораненных с их оружием»).

Касательно 1-го гвардейского стрелкового батальона. Говоря о подразделениях, необходимо также сначала упомянуть проведенные реформы организации войск ВС СССР в период Великой Отечественной войны.

В начальный период Великой Отечественной войны недостаток офицеров и средств управления вынудили военное руководство временно ликвидировать корпусное звено в общевойсковых армиях. Личный состав штабов (управлений) корпусов был задействован для создания новых армейских соединений и объединений. Штатная численность стрелковых дивизий была снижена для развёртывания менее громоздких (чем в довоенных штатах) дивизий с более удобной управляемостью в оборонительных действиях и создания большего количества соединений для манёвра на опасных участках фронта.

В связи с острой нехваткой бронетанковой техники, все механизированные корпуса и танковые дивизии были расформированы, а личный состав и техника обращены на создание отдельных танковых бригад и танковых батальонов. Также сокращению подверглась дивизионная артиллерия для создания более мощной артиллерии РКК, которой усиливались группировки на важных направлениях. В кратчайшие сроки создавались части и соединения противотанковой артиллерии. Была продолжена работа по созданию укрепленных районов начатая до войны, которая была представлена пулемётно-артиллерийскими батальонами.

В 1942—1943 годах в общевойсковых армиях для более удобного управления были воссозданы стрелковые корпуса, основу которых составляли 2—3 стрелковые дивизии. Также в состав стрелковых корпусов включались так называемые «корпусные части»: артиллерийская бригада, полк реактивной артиллерии (гвардейский миномётный полк), зенитно-артиллерийский дивизион, батальон связи и сапёрный батальон.

В марте 1942 года было начато создание танковых корпусов (3 танковые и 1 механизированная бригада в каждом). В мае 1942 года начато создание танковых армий в составе 2 танковых корпусов, отдельной танковой бригады, стрелковой дивизии, артиллерийского полка, гвардейского миномётного полка и зенитно-артиллерийского дивизиона. В сентябре 1942 года было положено начало формированию механизированных корпусов бригадного состава.

Касательно формирований в Казахской ССР в своей книге «История и современность» (Алма-Ата, «Гылым», 1991 г.) М. К. Козыбаев пишет следующее: «национальные формирования республик Советского Востока состояли не из стрелковых дивизий, как в других регионах, а из отдельных стрелковых бригад и кавалерийских дивизий».

Также следует пояснить организацию войск и строительство основных видов формирований. По старшинству, количеству солдат и техники первой (или наивысшей) группой формирований является армия. Далее (по убывающей) идут: корпус, дивизия, бригада, полк, батальон/дивизион, рота/батарея, взвод, отделение.

На первый взгляд путаница в наименованиях у не знающего человека, при наличии информации о иерархии подразделений, легко решается проставлением всех известных величин. 1-ый гвардейский стрелковый батальон входит в состав полка, который, в свою очередь, входит в состав 4-ая воздушно-десантной бригады.

4. ЛУНА

Декабрь 1942 года

Холода с каждым днем становились всё сильнее и сильнее. Октябрь выдался дождливым, весь месяц лило как из ведра, дороги раскисли, превратившись в непроходимые ямы. К ноябрю всё это безобразие стало прихватывать морозом. Всё больше сбрызгивало землю мокрым снежком, к концу месяца и вовсе обрушился целый снежный буран. Декабрь перенял эстафету, с утроенным задором ударил лютыми морозами, сковал взборонённые в осеннюю непогоду колёсами грузовиков дороги, окончательно отрезав селения друг от друга. Добираться до нужного пункта назначения приходилось пешком – машины с трудом проходили по земляным колдобинам, застревали.

В состав 4-ой воздушно-десантной бригады Иван попал по распределению. Их направили по заданию руководства пешим ходом к небольшому селу – для прикрытия фланга другого отделения. Ещё по пути сослуживцы всё говорили, что их бригада относится к подразделению тылового обеспечения, а значит пока под пули не будут отправлять. Ивану слабо верилось в эти разговоры, они больше необходимы были новичкам для успокоения волнения. А когда над головами что-то глухо ухнуло, а потом вдали застрекотали автоматы, стало понятно – поблажек в этой войне нет ни для кого.

Выстрелы быстро затихли. А вот сердце ещё долго не переставало отстукивать канонаду. Было страшно. И многие из солдат сразу поутихли, охладился их пыл.

Шли по сухому крепкому насту, иногда спускаясь в низины. Обходили врага стороной. По пути встретили двух волков, жадно грызущихся друг с другом на плешивом пригорке. Звери, наученные горьким опытом, едва почуяв человека, прекратили драку и быстро скрылись в лого, направившись в сторону дальнего леса. Вновь вдалеке затрещали выстрелы.

Если стреляют автоматы – это точно немцы, у них только роскошь такая есть. А у нашего брата всё одно оружие – карабин. С него сильно не повоюешь. Да и с патронами беда. Уж коли взялся стрелять – так бей наверняка, не расходуй боеприпас понапрасну. «Одна пуля – одна дуля», – говорил старшина, давая урок обращения с карабином. «А дулю надо каждому немцу показать, братцы, чтоб знали они, что на чужие земли зариться не хорошо! Нам чужого не надо, но и своё не отдадим!». Старшина нормальный попался, хоть и молодой, но пороху нюхнувший достаточно.

Шли уже вторые сутки. Останавливались только переночевать в деревеньках, а поутру, едва только начинало рассветать, вновь отправлялись в путь. Вымотались все изрядно, замёрзли и оголодали. Но терпели. Потому что другого выбора не было.

Шли молча, но на привале вдруг случился словно сам по себе жаркий разговор. Сколько быть войне? Вопрос возник словно бы из ниоткуда, даже не известно кто задал его, а возник – и словно масла в огонь плеснули. Встрепенулись все, начали живо перебивая друг друга спорить.

– Известно сколько – пять месяцев! – словно бы в шутку ответил старшина и отошел в сторону по своим командирским делам – изучить карту местности, ещё раз перечитать нужные приказы и распоряжения, проверить журнал.

– Маловато будет, – шмыгнул кто-то носом.

– А чего маловато?! В самый раз! И быстрее можем! – возмутился Иван. Внутри вдруг стало горячо – почему сомневаются они? Неужели веры нет в свои силы? «Этак мы и вовсе никогда не победим, если будем такие крамолы думать и в сомнениях пребывать!».

– Пять месяцев? Возможно. Старшине виднее, он у начальства больше бывает, может, там знают? – поддержал другой новобранец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.